

Август 2015

Прошлой ночью мне пришло в голову, что все началось раньше.

Сидя в темноте, я в ужасе нацарапал ногтем на внутренней стороне предплечья слово «книжный». Его уже не видно — кожа воспалилась из-за укуса насекомого. Наверное, я раздирал зудящее место во сне. И все-таки запись, как обычно, помогла, и сегодня утром я отчетливо все помню.

«Хадсон энд компани», магазин подержанных книг на Чаринг-Кросс-роуд. Раньше я думал, что начало — именно здесь и жизнь повернулась бы иначе, не заприметь я ту маленькую рыжую бестию. Или я ошибаюсь и маховики механизма пришли в движение многими месяцами ранее? Ведет ли ядовитый след в прошлое гораздо более отдаленное, чем исчезновение Джесмин? В университет? Или вовсе в школу, в детство, в то мгновение, когда в семьдесят третьем

году я, пунцовый от натуги, впервые посмотрел на этот беспощадный мир?

Задаюсь вопросом: мы сами роем себе могилу? Насколько я сам виноват в этом кошмаре? Можно рвать и метать, сопротивляться в знак протеста или в отчаянии делать глупости... А может, просто поднять руку и признать вину?

СНАЧАЛА

Глава 1

Это был один из тех серых, промозглых лондонских дней, когда сливаются воедино небо, тротуар и мокрые здания. Давненько я не видал такой погоды...

Я только что отобедал со старинным другом Майклом Стилом в подземном переходе у Чаринг-Кросс, в баре «У Портера», в который мы хаживали с шестнадцати лет, когда впервые открыли для себя его укромное расположение и немногословность владельца. Сейчас, разумеется, оба предпочли бы что-то менее сырое и темное (шикарное маленькое бистро на Сент-Мартинс-лейн, что специализируется на луарских винах, *par exemple*¹), но ностальгия — суровая штука. Ни один из нас не решился бы об этом даже заикнуться.

Обычно, расставаясь с Майклом, я шагал уверенно, ощущая, как от сознания превос-

¹ Например (*фр.*).

ходства у меня распирает в паху. Его жизнь складывалась из претензий жены, заботы о сыновьях-близняшках и хлопот юридической практики в Бромли, и потому он слушал байки о моих приключениях — пьяных ночах в Сохо и молоденьких подружках — с завистью. «И сколько ей? — спрашивал он, кромсая яйцо по-шотландски. — Двадцать четыре? Ничего себе!» Майкл не был заядлым читателем и, в силу сочетания преданности с невежеством, все еще считал меня «человеком, добившимся грандиозного успеха на литературном поприще». Ему не приходило в голову, что второсортного бестселлера двадцатилетней давности маловато, чтобы бесконечно поддерживать репутацию. Для Майкла я оставался, цитирую, «звездой литературного Лондона». Когда он, неизменно оправдывая мои ожидания, оплачивал счет, в этом жесте сквозила не столько снисходительность, сколько почитание таланта. И если для поддержания статус-кво требовалось определенное количество взаимных хитростей, цена невелика. Уверен, не одна дружба построена на лжи.

В тот день, однако, поднимаясь на поверхность, я вновь осознал свою никчемность. Как ни скрывай, истина заключалась в том, что жизнь в последнее время пошла под откос. Мой последний роман только что

отклонили, а Полли, та самая пигалица двадцати четырех лет, бросила меня ради какого-то небритого политического блогера-молокососа. И что самое скверное, как раз в то утро я обнаружил, что меня выселяют из квартиры в Блумсбери, в которой я бесплатно обитал и которую называл домом последние шесть лет. Короче говоря, сорок два года, на мели и с унижительной перспективой переезда к матери в Ист-Шин.

Вдобавок, как я уже сказал, шел дождь.

Уворачиваясь от зонтов, я устало тащился по улице Вильгельма IV в сторону Трафальгарской площади. Около почты тротуар перегородила толпа иностранных студентов в неоновых кроссовках и с рюкзаками. Меня вытолкнуло в сточную канаву. Нога угодила в лужу, такси обдало брызгами штанину вельветовых брюк. Я чертыхнулся и поковылял через дорогу, лавируя между ждущими пассажиров машинами, свернул на Сент-Мартинс-лейн и через Сесил-корт вышел на Чаринг-Кросс-роуд. Мир сотрясался от дорожного движения и inferнального хаоса стройки Кроссрейл. С небес низвергалась вода. Я только успел проскочить станцию метро, и вереница туристов с сумками снова вытеснила меня с дороги и впечатала в витрину магазина.

Прижавшись к стеклу, я переждал, пока они пройдут, и закурил. Я стоял 9

около «Хадсон энд компани», магазина подержанных книг по фотографии и кино. Имелся у них в глубине и маленький раздел беллетристики, откуда, если память мне не изменяет, я однажды «позаимствовал» раннее издание «Счастливого Джима». (Не самое первое, а то, с оранжевой эмблемой «Пинджин букс» и иллюстрацией Николаса Бентли на обложке. Классное!)

Сейчас для магазина настали не лучшие времена — почти все верхние полки были неуютно пустыми.

И тут я заметил эту скучающую продавщицу.

Она гладела в окно, посасывая прядь длинных рыжих волос и излучая такую чувственность, что я ощущал покалывание в кончиках пальцев.

Я затушил сигарету, убрал ее в карман пиджака и толкнул дверь.

Выгляжу я недурно (а тогда, до всего этого, был и вовсе молодцом). Лицо того типа, что, как говорят, нравится женщинам: голубые глаза с прищуром, высокие скулы и полные губы. Я уделял внешности немало внимания, хотя тем самым добивался впечатления, что все как раз наоборот. Порой, бреясь, разглядывал свои

10 точеные симметричные щеки, аккуратные щетинки и легкую горбинку патри-

цианского носа. Интерес к интеллектуальным упражнениям, на мой взгляд, не оправдывал наплевательского отношения к телу. У меня широкая грудь. Даже теперь я изо всех сил держусь в форме — пригодились упражнения, которые я подсмотрел в первый бесплатный месяц занятий в спортзале. Кроме того, я мастерски пользовался своей внешностью: робкая самокритичная улыбка, дозированный зрительный контакт, творческий беспорядок на светловолосой голове...

Когда я вошел, девица едва взглянула в мою сторону. Длинный топ с геометрическим рисунком, легинсы, грубые байкерские ботинки, три гвоздика в ухе и обильный макияж. Сбоку на шее — тату в виде бабочки.

Я наклонил голову и тряхнул шевелюрой.

— Черт!.. Ну и погодка!

Она качнулась на широких каблуках, села на металлический табурет и, бросив взгляд в мою сторону, выпустила изо рта прядь волос.

Я добавил громче:

— Конечно, Рёскин говорил, что плохой погоды не бывает — только у хорошей бывают разные обличия...

Скучающий рот едва заметно изогнулся в подобии улыбки.

Я приподнял мокрый ворот.

— Скажите это моему портному!

Улыбка растаяла. Портному? Ну да, откуда ей знать, что я шучу и пальто куплено по дешевке в благотворительном магазине?

Шагнул ближе. На стакане «Старбакс» черным фломастером было написано «Джози».

— Джози, верно?

— Нет, — отозвалась она равнодушно. — Просто назвалась так для бариста. Всегда называюсь по-разному. Вам помочь? Ищете что-то конкретное?

Окинула взглядом мокрое сукно пиджака, вельветовые брюки, хлюпающие водой броги и их обладателя, жалкого мужчину не первой молодости. На прилавке завибрировал телефон. Она его не взяла, но косо взглянула и подвинула локтем, чтобы видеть поверх стакана. На меня — ноль внимания.

Уязвленный, я тихо ретировался в глубину магазина и сел на корточки, притворяясь, что просматриваю нижнюю полку (любые две книги за пять фунтов). Пожалуй, она чересчур молода, только что из школы, — не мой контингент. И все равно — нахалка!

Здесь внизу пахло сырой бумагой, потом и прикосновениями других людей. Снова повеяло равнодушием. Пока я листал желтеющие томики в мягкой обложке, в голове

само собой всплыло последнее письмо издателя: «Слишком экспериментально... Неформат... Почему не написать роман, где есть хоть какое-то действие?» Я встал. Шли бы вы куда подальше! Сейчас как можно достойнее покину эту лавку и зарулю в Лондонскую библиотеку или — быстрый взгляд на часы — в «Граучо». Скоро три. Кто-нибудь в клубе да и угостит выпивкой.

С тех пор я не раз силился вспомнить, зазвенела ли дверь, с колокольчиками она там или нет... Когда я вошел, магазин казался пустым, но среди полок легко спрятаться, вот как я, и наблюдать исподтишка. Он притаился внутри? Пахло ли ароматом «Вест индиан лаймс»? Почему-то мне это важно. А может, нет, и сознание просто ищет логическое объяснение чистой случайности.

— Пол! Пол Моррис!

Из-за стеллажа торчала голова. Я быстро провел «инвентаризацию»: близко посаженные глаза, залысины, придававшие лицу нелепую форму сердечка, невыдающийся подбородок. Вспомнил я его благодаря широкой щели между передними зубами. Энтони Хопкинс, из Кембриджа, с моего потока. Историк, если не ошибаюсь. Пересекались несколько лет назад на отдыхе в Греции. Смутное ощущение, что я предстал тогда не в лучшем свете.

— Энтони? Энтони Хопкинс?

Он раздраженно нахмурился.

— Эндрю...

— Да, конечно, Эндрю! Эндрю Хопкинс. Извини! — Я похлопал себя по лбу. — Сколько лет, сколько зим!

Я отчаянно копался в памяти. Мы с Саф-фрон, тусовщицей, с которой я тогда спал, и ее друзьями поехали на экскурсию вокруг острова. Когда сошли на берег, я их потерял. Вроде бы пили. Эндрю одолжил мне денег?.. Сейчас он стоял передо мной в костюме в тонкую полоску и протягивал мне руку. Я ее пожал и добавил:

— Да, давненько не виделись...

— Последний раз — на Пиресе, — хохотнул он.

Через руку у него был переброшен мокрый плащ. Продавщица, прислушавшись, поглядывала в нашу сторону.

— Как ты? Все еще сочинительствуешь? Ви-дел твою колонку в «Ивнинг стандарт». Книжное обозрение? Нам тогда понравилась твоя книжка. Сестра была в восторге, что ее напечатали.

— О, спасибо! — Я кивнул.

Ну конечно, его сестра! Немного общались в Кембридже.

— «Примечания к жизни»... — Я говорил громко — пусть маленькая шалава на

14 кассе поймет, что упустила. — Да, мно-

гие хвалили. Видимо, задело за живое. В «Нью-Йорк таймс», кстати, написали...

— Состряпал увлекательное продолжение? — перебил он.

Девчонка наклонилась, чтобы включить тепловую пушку. Я сделал шаг в сторону и, к своему удовольствию, успел разглядеть мягкую выпуклость груди в розовом лифчике.

— Вроде того.

Я не собирался распространяться о сиквеле, который произвел эффект мокрой петарды, и вялых продажах следующих двух книг.

— Работник творческого цеха! Всегда что-то занимательное в жизни. Не то что у нас, бедных юридических крыс!

Продавщица вернулась на свой табурет. Шелковистый топ под струей воздуха сборился в рюши. А Хопкинс все молот языком: работает в «Линклейтерз», по гражданским делам, дослужился до полноправного партнера.

— Пашешь еще больше. Ни выходных, ни проходных, на телефоне круглые сутки!

Он пожал плечами, словно крыльями взмахнул, маскируя самодовольство мнимой покорностью судьбе. Что поделать? Дети в частной школе, бла-бла-бла, две машины, ипотека, которая его «в могилу сведет». Несколько раз я вставлял: «Надо же!.. Ага... Ясно». 15